

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94.908

DOI: 10.17223/19988613/59/1

Г.П. Гавриличева, А.А. Кононенко

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ г. ТЮМЕНИ 1920–1930-х гг.)

Целью статьи является анализ культурных процессов, происходивших в России в 1920–1930-е гг. на примере города Тюмени. Мы полагаем, что именно в это время произошла смена культурного кода народа, трансформация бывших подданных Российской империи в новую социокультурную общность – советский народ. В центре нашего внимания оказались процессы, происходившие на уровне маленького человека. Делается вывод о том, что в стране произошла смена правящей элиты, возникла генерация новых людей, отличительными чертами которых стали энтузиазм, оптимизм, бдительность, поразительная выживаемость, жестокость и безразличие.

Ключевые слова: Тюмень; население Тюмени; Россия в 1920–1930-х гг.; дневники и воспоминания; социально-культурные изменения; большевистская пропаганда; изменение сознания.

В 1922 г. в России закончилась кровопролитная Гражданская война. Страна лежала в руинах. Ее города и села медленно агонизировали. Переход к новой экономической политике, вызвавший бурную дискуссию в правящей партии, вывел страну из антропологической катастрофы. Свобода торговли, лицензирование предпринимательской деятельности, продажа патентов на оказание услуг, финансовая реформа, переход на золотой стандарт, замена продразверстки лимитированным продналогом, запрет самосудов и амнистия участникам контрреволюционных восстаний оживили настроения населения. Новая экономическая политика, при всей ее неоднозначности, спасла народ от голодной смерти. Население, с трудом оправившееся от ужасов Гражданской войны, приняло большевистскую власть, полагая, что она пришла всерьез и надолго. «Война снесла целое поколение, как бы для того, чтобы создать перерыв в памяти народов и чтоб не дать новому поколению слишком непосредственно заметить, что, в сущности, оно занимается повторением пройденного, только на более высокой исторической ступени и, следовательно, с еще более угрожающими последствиями» [1. С. 334]. Выжившие должны были подстраиваться к новым политическим и экономическим реалиям.

Основной целью статьи является анализ культурных процессов, происходивших в России в период с 1922 по 1937 г. на примере небольшого города Тюмени, который в указанное время неоднократно менял свой административный статус, являясь губернским, окружным и районным центром Тюменской, Уральской и Омской областей. Мы полагаем, что именно в это время произошла смена культурного кода народа, трансформация бывших подданных Российской империи в новую социокультурную общность – граждан Советской республики, позднее получившей название «советский народ».

Ситуация 1921 г., на который пришелся пик голода, эпидемий и смертности, настолько шокировала современников, что в состоянии полного изумления они включились в строительство социализма, побуждаемые инстинктом самосохранения. Объектом исследования при этом является не политически активный слой – профессиональные революционеры, партийные и советские чиновники, а несравненно более широкий кластер – население города Тюмени в целом.

Данная тематика уже привлекла внимание зарубежных историков D. Brandenberger, R. Reese, D. Hoffmann, J. Hellbeck, утверждавших, что многие не только говорили, но и думали по-большевистски, хотя и с определенными оговорками [2–5], и тюменских историков В.М. Кружинова, З.Н. Сокову, Е.В. Бородулину, Т.И. Бакулину, А.А. Сухарева, В.С. Плохотникова [6–11]. Им удалось показать политические, экономические и культурные изменения, происходившие в указанный период. Исследователи установили, что отказ от политики «военного коммунизма», новая экономическая политика, а затем и свертывание ее оказали принципиальное влияние на уровень жизни, материально-бытовое и душевно-нравственное состояние горожан. Этому времени были присущи: бытовые неудобства, минимальная степень комфорта, ставшие уже традиционными перебои с продовольствием, высокая степень риска заболеваемости, в том числе инфекционной, вмешательство государства в частную жизнь. Историки отмечали стремление власти качественно изменить ситуацию, навести порядок в жилищно-коммунальной сфере города, сформировать принципиально новую инфраструктуру, создать условия для появления нового советского человека, строителя социализма.

Используя материалы лишь официальных органов власти, сводки, информацию, газетные заметки, опубликованные в партийной и государственной печати,

строго цензурируемой, исследователи рассмотрели процессы изменений культурного кода горожан, лежавшие на поверхности. В то же время вне их внимания остались процессы, происходившие на уровне маленького человека, его будничной субъективности. Именно эта сторона проблемы привлекла наше внимание. Среди задач, стоящих перед нами, были вопрос трансформации большевистской агитации и пропаганды, которая в зависимости от партийных установок неоднократно менялась, и реакция населения на эти импульсы. Другой задачей стал анализ требований, предъявляемых государством к человеку нового типа, например, выполнение плана, публичная поддержка мероприятий властями, поощрение доноительства, соответствие советским стандартам в одежде, поведении, поступках и даже в мыслях. Решению данных задач должны способствовать источники личного происхождения, дружеская и семейная переписка, эпистолярное наследие, дневники, которые, к сожалению, сохранились в единичных экземплярах [12, 13]. Люди не только боялись что-либо записывать, но даже и обсуждать темы, связанные с политикой либо общественным устройством. Малограмотность значительной части населения, культурная отсталость большинства горожан и крестьян, отсутствие интереса архивов к документам личного происхождения, кроме крупных и известных политических деятелей, снятие с хранения ряда документов («жалобы», «обращения во власть», за сроком давности) как не представляющих интереса также не способствуют раскрываемости темы.

Вводя НЭП, большевики вовсе не отказывались от построения социализма. Они испытывали крайнюю потребность в экономической и политической стабильности, перемирии между режимом и гражданами, времени для осмысления дальнейших путей развития революции при отсутствии партийного плюрализма и демократизации политической жизни. Параллельно продолжалась беспрецедентная пропагандистская обработка сознания населения: кампании по борьбе с неграмотностью и религиозными пережитками, реформа брачного и семейного законодательства, бесплатное образование, изъятие драгоценных металлов у населения. В городе открывались детские сады, школы-семилетки, позднее – школы 2-й ступени («девятилетки»). Если в 1914 г. в Тюмени насчитывалось 1 074 учащихся (из них 257 реалистов, 217 учащихся коммерческого училища и 600 учащихся гимназии), то в 1927 г. – 2 119 учеников первой и второй ступеней. Вместе с тем были восстановлены товарно-денежные связи между городом и деревней. Нэпманы, бродячие торговцы и перекупщики-спекулянты смогли обеспечить город разнообразными товарами. Если на 1 января 1922 г. в Тюмени насчитывалось только 35 торговцев, на 1 января 1923 г. – 366, то на 1 января 1924 г. – 691 [8. С. 79].

С 1929 г. уровень жизни населения Тюмени, как, впрочем, населения всей страны, снижается. Государство увеличивает стоимость патентов и лицензий для

предпринимателей, открыто призывает игнорировать частников, агитирует делать покупки в кооперативных и государственных магазинах. Вводятся продуктовые карточки, затем централизованное распределение распространяется на промышленные товары. Привыкшие к бытовой неустроенности, минимальному комфорту, непритязательным условиям жизни, горожане с молчаливой покорностью приняли новый курс на ликвидацию частного сектора в экономике, торговле и сфере услуг. К концу 1920-х гг. население Тюмени, подсаженное «на иглу» распределительной политики, оказавшись объектом централизованного снабжения и руководствуясь скорее банальной завистью и неприязнью к торговцам, частникам, спекулянтам, стало требовать ликвидации нэпа. Словно испытывая терпение трудящихся, власти взяли курс на расслоение населения на своих, нужных и не вполне нужных граждан. Данная тенденция, делить трудящихся на «миропомазанных и чужих» возникла еще в 1920-х гг. и вновь была реанимирована в условиях «ударников» и «стахановцев». Соответственно, первая и вторая категории обеспечивались необходимым количеством продовольственных и непродовольственных товаров, последняя же была предоставлена сама себе. «Питаемся плохо, все время хлеб да картошка, так что у картошки и выходного дня не бывает» [13. Л. 39 об.]. В конце 1931 г. частная торговля была ликвидирована, а ее функции перешли к государственной и кооперативной торговле. Качество товаров, особенно в сравнении с заграничными аналогами и даже дореволюционными, резко упало. Поскольку сравнивать было совершенно не с чем – разве что с проклятым прошлым: «Ты с радостью берешь то, что тебе дают... Если ранее горожанин выходил за хлебом раз в неделю, теперь он бежит ежедневно» [12. Л. 17] (сохранен стиль оригинала. – *Авт.*).

Еще одним символом времени стала атака на церковь. Большевизм представлял собой разновидность мировоззрения и практики, обладавшей тем свойством, что он не терпел рядом с собой никаких других взглядов. Везде, где звенели колокола и муэдзины зывали к правоправному с минаретов, где священнослужители и миряне вникали в священные тексты и использовали ритуалы, большевики видели свидетельства своего бессилия, своей неспособности очистить головы подданных от духовного сора прошлых веков. В декабре 1928 г. газета «Правда» объявила, что период мирного сосуществования советской власти с религиозным мировоззрением закончился и наступило время силой искоренить религию. Тем не менее, хотя власти и оставили в Тюмени лишь одну действующую церковь – Всехсвятскую, количество верующих было велико. Многие дети, под влиянием своих родителей, покидали пионерские и комсомольские организации, соблюдали религиозные обряды, посты, ходили в баню в «чистый четверг», присутствовали в церквях на Пасху [12. Л. 32 об.; 13. Л. 20].

Важным аспектом повседневной жизни была советская праздничная культура, которая акцентировала

внимание на годовщинах, памятных датах и событиях, стремившихся закрепить завоевания революции в сознании трудящихся. Это выражалось в призывах к рабочим фабрик, заводов, предприятий подготовить отчеты с акцентом на успехи, посвященные 10-летию советской власти. Кроме того, организуется инициатива «снизу», направленная на удаление из памяти имен купцов, фабрикантов, заводчиков, кулаков, если таковые отражались в местной топонимике. Например, лишилась своего названия железнодорожная станция Полевская. В результате конкурса на более соответствующее моменту название появилась станция Талица. Эти мероприятия носили четко выраженный характер кампаний. Переименовывать, приводить в порядок, украшать памятные места, улицы и площади требовалось к торжественным датам. Так, например, современники обратили внимание, что братская могила «за городом в Сараях, где были похоронены вывезенные при Колчаке из сада Карла Маркса останки красногвардейцев, жертвы бандитизма, убитые на фронте продразверстки, как например Голубов, заместитель продовольственного комиссара, убитый в 1921 г., находится в неудовлетворительном состоянии. Могилы давно пришли в ветхость, все оградки растащены жителями Сараев, а сами могилы загажены помоями и навозом» [14]. Многие погибших героев революции никто не знает и не помнит. Из 74 человек, перезахороненных в Сараях, в 1927 г. были известны лишь 34 фамилии.

Спустя 10 лет после октябрьских событий власти прямо указывают, что положительные изменения в жизни страны и граждан Республики произошли исключительно благодаря 1917 г. Но как только праздничные мероприятия прошли и отчеты были отправлены в Свердловск, тематика и тональность газет вернулось в привычное русло: классовая борьба за рубежом и преодоление тяжелого наследия царского режима внутри страны, губернии и города. Это беспризорные дети (в 1923 г. в губернии – 2 658 чел., из них в Тюмени – 1 590), эпидемия сифилиса (за 4 месяца в городе заразились 1 807 человек как половым, так и бытовым путем (1923 г.), туберкулез (3 053 чел.), грипп-инflюэнца (3 793 чел.), триппер (811 чел.), дизентерия (505 чел.), скарлатина (273 чел.), малярия (252 чел.), уголовные преступления: кражи, грабежи, убийства, конокрадство [18]. Представляется, что острозаразные, инфекционные болезни имели свою специфическую особенность. Если в годы Гражданской войны основной урон населению страны наносила эпидемия тифа (брюшного, сыпного, возвратного), то послевоенное время было омрачено туберкулезом, гриппом и сифилисом.

Первая половина 1930-х гг. ознаменовалась ликвидацией безработицы. Осуществлялись благоустройство города, особенно центральной его части, ремонт тротуаров и мостовых, озеленение и освещение площадей и улиц. Тем не менее всех этих мер было недостаточно, сказывалась хроническая болезнь провинциальных городов России – нехватка бюджетных средств. Слабо

были развиты водопроводная сеть, охватывавшая лишь центральную часть города, телефонная сеть, радиовещание, канализация отсутствовала напрочь. В то же время были реанимированы традиционная для Тюмени торговая сеть и здравоохранение, построена в стиле «конструктивизма» знаменитая круглая баня. Несколько улучшилось положение с клубами, библиотеками и музеями.

Очевидно, что с каждым новым годом уровень жизни тюменцев возрастал. «Ходил на базар, на толкучку. Живет народ! Жрут и пьют. Все в порядке», – писал современник [12. Л. 51]. Тем не менее население, как и прежде, находилось под бдительным контролем органов ГПУ, партийных и советских структур. Периодически власти проводили репрессии против представителей бывших эксплуататорских классов, вскрывая монархические, эсерово-меньшевистские, поповские заговоры. Например, 25–28 августа 1920 г. в Тюмени состоялся процесс по делу организации монархистов, ставивших целью возрождения самодержавия во главе с царем Михаилом. Организаторов процесса не смутил тот факт, что претендент на престол был расстрелян их пермскими коллегами за два года до того. Военно-революционный трибунал I Трудовой армии (образованный из 3-й Красной армии Восточного фронта) приговорил 4 человек (Д.К. Белоглазова, Анну и Аполлона Беер, Анисимова) к расстрелу. Остальные 10 участников тюменской монархической организации были осуждены на различные сроки исправительных работ [15]. В последующем 1921 г. тюменские чекисты отчитались о раскрытии «контрреволюционной группы корнета С.Г. Лобанова (расстреляны 17 человек, включая 14-летнего подростка) и «Тобольского повстанческого центра» во главе с 15-летним С. Долгановым, племянником епископа Тобольского Гермогена [16]. Словно оправдывая свое существование, чекисты придумывали мифические контрреволюционные организации, информировали население о казнях заговорщиков, якобы пытавшихся повернуть ход истории вспять. На всем протяжении истории большевистской партии ей был необходим символ угрозы. Это белогвардейские организации, окопавшиеся за рубежом, вражеские шпионы и убийцы, проникшие в Советскую республику. Так, были арестованы и расстреляны некие Василевич (за службу в Архангельске у Колчака (!?), Захаров, председатель профкома фабрики им. Челюскинцев (за развал стахановского движения и отрыв от масс), секретари городского комитета партии А. Тарасов и М. Божко (скрытые троцкисты), комдив Г.Ф. Гаврюшенко (за шпионаж в пользу Польши и Германии) [17]. «Правящий режим использовал образ врага для мобилизации населения в целях проведения широкомасштабных социально-экономических преобразований, перенаправления недовольства условиями жизни на отдельные социальные группы и изоляцию политических оппонентов» [10]. Не случайно возле одного из тюменских заводов была устроена панорама: наша социалистическая Ро-

дина с пограничным столбом и часовым, а с той стороны – нападающие фашисты [12. Л. 20 об.].

Однако, пожалуй, главным и реальным врагом советской власти стал скрытный настрой населения, лишавшегося своей собственности. «Это отчетливо проявилось в 1925 г. во время выборов в сельские Советы, когда, с одной стороны, в выборах приняло участие значительно больше крестьян, чем раньше, а с другой – большинство голосов получили многочисленные кулаки, стоявшие на откровенно антибольшевистских позициях. Большевики потерпели катастрофическое поражение. Деревенская буржуазия вовсе не намеревалась без борьбы уступать свою власть» [18. С. 364]. В первую очередь это касается тюменского крестьянства, нацеливаемого партийными органами на обеспечение продовольственной безопасности. Прилегающие к городу территории были определены как земли сельскохозяйственного назначения, однако свое предназначение выполняли формально. «Каменка, Зырянка, Кулакова, Луговая, Успенка плетутся в позорном хвосте». План хлебозаготовок не выполняется. Атака на капитал, ликвидация частной собственности привели к утрате интереса к труду, браку на производстве, имитации трудовой деятельности, халтуре. Возник симбиоз хаотичного характера планирования и чудовищной бесхозяйственности. «Какой стыд, ребята! Такая стройка! Такая эпоха! А мы спим чуть ли не до 10 часов... Мне кажется, что много рабочих завода – аполитично, или даже хуже, т.е. не совсем доверчиво относятся к мероприятиям советской власти. Я просто так удивляюсь, как могут молодые ребята – рабочие, в такую бурную эпоху работать только 7 часов на производстве и не нести совершенно никакой нагрузки, стоять в стороне от общественной жизни» [13. Л. 10 об.]. Заголовки газетных статей и содержание их, дневниковые записи современников прямо свидетельствуют о такой тенденции [14, 19, 20]. Ставя перед собой цель, но не видя путей ее осуществления, сталкиваясь с молчаливым саботажем, действуя скорее интуитивно, руководство большевистской партии периодически меняло свои планы. Соответственно менялись приоритеты пропагандистской кампании. Если в 1920-х гг. в местных газетах находилось место городской тематике, в рубрике тюменский день, то в начале 1930-х гг. местная тематика на время исчезает. Содержание и формат газеты «Красное знамя» в те годы – неопределенное, часто меняющееся, возможно, связано с ротацией лиц, занимающих должность ответственного редактора.

Очевидно, что с началом 1930-х гг. меняется не только настрой, но и общая парадигма государственных приоритетов. Открытый курс на мировую революцию свернут, раблезианские ценности в семейной жизни и правовой нигилизм революционных лет уходят в прошлое, возникают «смакование жизненных благ» [6. С. 87] и торжество мещанских ценностей. «Тюмень омещанилась, вся молодежь целыми вечерами, без всякой цели и пользы шатается по улице Республики» [13. Л. 78 об.]. Столкнувшись

с жизненными реалиями, некоторые, наиболее утопичные заявления большевиков были подвергнуты ревизии. Во многом этот процесс связан с именем нового руководителя большевистской партии И.В. Сталина, фамилия которого все чаще упоминается в партийных и государственных документах, а также на страницах газет. Любопытную оценку Сталину и происходящим процессам дал в 1924 г. его политический оппонент Л.Д. Троцкий: «Он нужен им всем – уставшим радикалам, чиновникам, нэпманам, кулакам, выскочкам, пройдохам, всем тем червям, которые выползли из вспаханной почвы, унавоженной революцией. Он знает, что им нужно, он говорит на их языке, и он знает, как руководить ими. У него заслуженная репутация старого революционера, которая делает его бесценным для них...» [21. С. 167].

В начале 1930-х гг. центральная, региональная и городская пресса меняют свою тональность, делая акцент на успехах и достижениях. Особенно это затронуло горожан, родившихся в 1912–1920-х гг. Прошедшие советскую школу станут в той или иной степени приобретать советскую идентичность. Среди лиц, родившихся ранее, процесс приобщения к большевистскому новому языку занял гораздо больше времени, поскольку они знали и помнили альтернативные ценности. Так, в ноябре 1933 г. в газете «Красное знамя» опубликован целый разворот: «Уверенно и бодро строим свое радостное будущее!». В статье «Семья двух эпох» [19] сравнивается дореволюционный и постреволюционный быт семьи тюменца С.И. Никитина, рабочего завода «Механик». Вот что носит Сергей Иванович – «костюм, пальто, полушубок, пимы, а его жена Антонина – шелковые чулки – все это полученные премии за честный ударный труд». Раньше они мыкались по углам и комнатам, сегодня проживают в собственной квартире по улице Республики, 54. В статье утверждалось, что «по-настоящему семья стала жить 16 лет назад» (!). Таким образом, читателю пытаются внушить мысль, что все эти последние 16 лет они жили счастливо, достойно, с уверенностью в завтрашнем дне, как будто не было Гражданской войны, эпидемий и болезней, голода и продразверстки, других жизненных трудностей и лишений. Не 2–3 последних года, когда глава семьи оказался в списках «ударников», рассчитывая на поощрения, а все 16 лет. Очевидна попытка мифологизации сознания путем пропаганды и агитации, которые легли в благодатную почву, учитывая неистребимое желание части населения любыми путями выбиться в люди, в том числе посредством «ударничества». Как это ни парадоксально, но острая проблема с жильем, доставшаяся властям от Гражданской войны и коллективизации сельского хозяйства, способствовала формированию нового человека, позволяя вторгаться в приватную жизнь, поощрять и наказывать, структурировать социальную иерархию за счет отбора и исторжения. Если в 1920-х гг. городские власти в рамках национализации собственности перераспределяли жи-

лишний фонд в пользу пролетариата, низших социальных слоев, изымали «лишнюю» жилплощадь, подсеяли, уплотняли, то в 1930-х гг. горкомхоз распределял жилье, как вторичное, так и в новостройках, возна-граждая явных сторонников нового режима.

С началом 1930-х гг. наблюдается рост численности населения. Но не за счет репродуктивного воспроизводства, а миграции крестьян в город (59 тыс. в 1930 г., 65 тыс. в 1931 г., 78 686 в 1939 г.) [7, 8, 11]. Сплошная коллективизация привела к массовому бегству крестьян из деревень, что спровоцировало очередной жилищный кризис, для решения которого были задействованы бараки, склады, землянки. Как и прежде, в конце XIX в. крестьяне «приносили» в город рабочие руки, но отнюдь не квалификацию, что позволяет говорить о новой волне рурализации Тюмени. Но недовольство не переросло в массовое, так как людей убедили, что приоритетными являются индустриализация страны и усиление ее обороноспособности. Не случайно супруга главы семьи Антонина Никитина высказала свое пожелание – научиться писать, побывать в Свердловске и Магнитогорске и увидеть своими глазами заводы-гиганты. Лучше жить в бедности и убогости, но быть свободными, чем в сытости и комфорте, но рабами капиталистов [19]. Налицо вроде бы умопомешательство, но на самом деле – эффективная жилищная политика, позволяющая удовлетворить потребность социально активной группы горожан, безусловно поддерживающих новый строй. Люди стали верить в то, что сами говорят. Они не обращают внимание на то, что в документах высших партийных инстанций уже заложены противоречия: пролетариату льстили, объявляя его правящим классом, властью, и тут же отмечали, что власть заботится о пролетариате. Таким образом, прослеживается явная дихотомия: пролетариат – власть, либо он объект заботы власти, что современников, впрочем, не смущало.

Ни один режим не может удержаться исключительно на штыках, необходимы иерархия доверия, формирующаяся на основе разложения и расслоения народа, выделения своих сторонников, создание им условий карьерного роста, поиск врагов, шельмование и дискредитация их. Поскольку никто уже не мог открыто высказывать то, что было известно многим, а именно что враг существует только в воображении большевиков, власть сама оказывалась не в состоянии вырваться из круга своих представлений. По сути дела, речь идет о перманентной гражданской войне, создавшей новую цивилизацию. Не последнюю роль в этом процессе сыграла эмиграция значительной части («два миллиона») [22] правящего слоя и интеллигенции дореволюционной России в начале 1920-х гг., что позволило создать два-три миллиона новых управленческих вакансий.

В экстремальных условиях воспоминания о прежних временах становились слишком рискованными, по крайней мере, до 1957 г., когда началась реабилитация отдельных лиц и целых групп населения. В 1920–1930-х гг. даже

невинное замечание о том, что раньше было лучше, могло квалифицироваться как серьезное политическое преступление. Прежнюю жизнь лучше было не обсуждать с незнакомыми и случайными людьми. Бывшие недоверие, сарказм и ирония населения по отношению к большевистской пропаганде сменяются лояльностью, страхом и благодушием к решениям партии и правительства. Образцом советского становится молодой физически сильный человек, настроенный на борьбу и готовый к труду и обороне, либо старик как символ мрачного прошлого на фоне светлого будущего. Человек нового типа должен быть беспощадным к врагам народа, бдительным (по сути дела – доносителем), мотивами ему служили: уязвленное самолюбие, жадность, социальная зависть, страх и банальная месть: «Эти рыцари от революции так умеют пачкать человека, настолько нахальны и солидарны между собой, что слопают и не такого как я грешного» [12. Л. 18], – писал один из современников. «Самое главное при этом – убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду – с границей). Счастье русского – в его надежде, в его вере, в его неведении» [23. С. 78]. Данная тенденция нашла продолжение и в последующие годы, когда власть периодически отправляла представителей свергнутых эксплуататорских классов на срок от двух до четырех месяцев в концентрационные лагеря, на лесозаготовки, в исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и дома предварительного заключения нанося превентивные удары по потенциально опасным социальным группам, лишая их иллюзий на инакомыслие. Количество репрессированных трудно установить, так как официальная реабилитация этой категории лиц не проводилась.

Во второй половине 1930-х гг. в период Большого террора рабочие получили возможность беспрепятственно рассчитаться с администрацией, управленцами, номенклатурой, удовлетворить свое чувство враждебности к тем, кто ранее оказался в более привилегированном положении. При этом новые праздники или митинги поддержки создавали лишь видимость усвоения народом новых традиций. «Не столько манифестантов, сколько глазающих», – писал современник. На митинге памяти Г.К. Орджоникидзе, состоявшемся 19 февраля 1937 г. на предприятии «Красный Октябрь», он отмечал: «При нашей сознательности митинг должен быть драматическим, потрясающим, а он проходил скучно, нудно, когда насильно вытягивали выступающих... Кто будет говорить товарищи? – спрашивает директор завода. Нет желающих, и в тоне его слышится угроза» [12. Л. 41].

Обвиняемые на громких политических процессах не вызывают особого сожаления. Разве лишь вопрос, почему высокопоставленные «жулик Арнольд и Радек,

писавший статьи в советские газеты» разоблачены «умницей Вышинским так поздно». «ГПИУ открыло группу высокопоставленных шпионов, во главе которых попал маршал Тухачевский. Очередной расстрел. Повторяется французская революция. Не столько фактов, сколько подозрительности. Бей, чужая, наших» [12. Л. 51]. Наказывая руководителей, власть удовлетворяла ущемленное чувство социальной справедливости низших, но формально равных им слоев общества. Очевидно, что обитатели постреволюционной России были представлены психологическими типажам — активистов, попутчиков и маргиналов. Первые сознательно либо бессознательно поддерживали все инициативы правящей партии и являлись опорой режима, вторые, а их было большинство, двигались по течению и, наконец, третьи глухо роптали, но старались не выделяться из общей массы, ориентируясь скорее на инстинкт самосохранения. Тем не менее всех их объединяло чувство хозяина своей страны, готовность принести себя в жертву ради мощной индустриальной державы, ради светлого будущего своих детей. Эта жертвенность опиралась на традиции революционной борьбы, классовую сознательность, апелляцию к патриотическим чув-

ствам, героизацию человека труда, периодические кампании по разоблачению «врагов народа», снятие моральных, политических и физических ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что в 1920–1930-е гг. была создана генерация новых людей, получивших общее название «советский народ», отличительными чертами которой стали энтузиазм, оптимизм, бдительность, беспощадность, поразительная выживаемость, жестокость и безразличие. Прежде чем стать советским, русский человек пережил две катастрофы (1917–1921 и 1928–1933 гг.), когда уровень жизни оказался на грани выживания. Полная закрытость страны, отсутствие объективной информации о том, что творится за рубежом, минимальные экономические послабления власти воспринимались как спасительный дождь в пустыне революционного произвола и узаконенного «беззакония». Именно такая ситуация и смогла закрепить в сознании, быте и душевно-нравственной составляющей человека статус советского. Некоторые историки полагают, что процесс создания новой цивилизации непрерывно продолжался с различной степенью интенсивности вплоть до конца 1940-х гг. [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М. : Книга, 1990. Т. 2. 344 с.
2. Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. 378 p.
3. Reese R.R. The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991. London : Routledge, 2000.
4. Hellbeck J. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // *Kritika*. 2000. Vol. 1. P. 71–96.
5. Hoffmann D.L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2011.
6. Бакулина Т.И. Развитие торговли в Тюмени в 1930–1936 гг. // *Земля Тюменская*. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2006. Вып. 20. Тюмень, 2007. 304 с.
7. Бородулина Е.В. Тюмень в 1930-е гг. // *Сибирский город: историческая ретроспектива и современный вектор развития*. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 252 с.
8. Кружинов В.М., Сокова З.Н. Тюмень в годы нэпа: люди и события // *Земля Тюменская*. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. 290 с.
9. Плохотников В.С. Материально-бытовые условия жизни тюменцев в 1930-е годы // *Тюменский исторический сборник*. Тюмень, 2012. Вып. XIV. С. 112–120.
10. Сухарев А.А. Эволюция восприятия тюменцами образа врага в годы нэпа (1921–1929 гг.) // *Сибирский город: историческая перспектива и современный вектор развития*. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 252 с.
11. Сухарев А.А. Советские массовые праздники в годы нэпа (на материалах Тюмени) // *Тюменский исторический сборник*. Тюмень, 2014. Вып. XVI. С. 161–169.
12. Аржиловский А.С. Дневник // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2.
13. Трофимова В.Ф. Дневник // Государственный архив Тюменской области. Ф. 1758. Оп. 4. Д. 8.
14. Красное знамя (Тюмень). 1927. 9 октября.
15. Известия Тюменского губкома РКП(б). 1920. 28 августа.
16. Шишкин В.И. Тюменский «заговор корнета Лобанова» // *История белой Сибири : тезисы 4-й научной конференции*. Кемерово, 2001. С. 201.
17. Красное знамя (Тюмень). 1938. 15 января.
18. Дальман Д. Сибирь. С XVI в. – и до настоящего времени. М. : Росспэн, 2015. 559 с.
19. Красное знамя (Тюмень). 1933. 10 ноября.
20. Трудовой набат (Тюмень). 1923. 15 декабря.
21. Троцкий Л.Д. Сталин. М. : Терра, 1990. Т. 2. 303 с.
22. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1986. 272 с.
23. Жид Андре. Возвращение из СССР // *Два взгляда из-за рубежа*. М. : Политиздат, 1990. 272 с.
24. Баберовский Йорг. Красный террор: История сталинизма. М. : Росспэн, 2007. 278 с.

Galina P. Gavrilicheva. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: teacher1710@mail.ru

Anatoly A. Kononenko. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: a-kononenko@yandex.ru

THE FORMATION OF THE SOVIET CIVILIZATION (ON THE EXAMPLE OF TYUMEN 1920-1930)

Keywords: Tyumen; Tyumen population; Russia in 1920s – 1930s; local archives, papers and diaries; social-cultural changes; the Bolshevik propaganda impact; mind transformation.

The main purpose of the paper is to analyze the cultural processes in Russia in 1920s -1930s, based on the research of Tyumen – a small provincial town in Western Siberia. It changed its administrative status several times: it was a *gubernskii, okružnoi*, regional centre of Tyumen Region, Ural Region, and Omsk Region in that period. We consider it was the time when change of people's cultural code took

place, and the former subjects of the Russian Empire were transformed into a new social-cultural community – citizens of the Soviet Republic, later called the Soviet people. Compare to the scientists who studied the evident changes in the citizens' cultural code, we focused on everyday activities of common people. It might be the first attempt to research the corresponding cultural processes in this way. Citizens' vital activity and survival in hard life conditions were analysed, transformation of the Bolshevik agitation and propaganda, the requirements of the state to a person of a new type, division of the population to proponents and enemies of the new regime, the hidden ideas of the people were researched.

The article considers mythologized knowledge of people on the revolution and the Civil War, as well as the general tendency to forget the events, urbanization of the country and ruralization of the town. Self-isolation of the country and only official information coverage, preventive measures to the citizens who might be dangerous for authorities were researched in the article. Having survived three anthropological catastrophes (1914 – 1921, 1929 – 1933, 1941 – 1945), mental psychological type of a person living in Russia in the first half of 20th century changed greatly. The research is based on the published and archival sources, the periodicals, but especially valuable are private sources, the unique records from private libraries, memoirs, diaries, family correspondence. People were afraid of writing something down, discussing the topics connected with political or social system, so some sources exist only in one copy.

As the result of the research we should recognize the great impact of mythology to the people's consciousness when all positive changes in their life were connected with the Great October Socialist Revolution in 1917. The new strata have been easily formed within the population: *udarniki*, *stakhanovtsy*, *peredoviki*. The marginal groups were transformed into urban intelligentsia and working class. The young state had a lack of managers, so rather wide range of vacancies was formed. That promoted the authority of the ruling regime. The lower classes felt social injustice, so the repressions of the leaders satisfied them though both upper and lower layers seemed to be formally equal.

We should conclude that the complete change of the ruling elite took place, and the new generation was formed. The population was represented by new psychological types of people: activists, *poputchiki* (companions) and marginal people (off-mainstream people). They were united by life-preservation instinct and the seemed ability to rule the country as well as ability to become a victim for the future generations and the powerful industrial state. Their distinctive features such as enthusiasm, optimism, survival, vigilance, cruelty, indifference were completely illustrated during the Great Patriotic War.

REFERENCES

1. Trotsky, L.D. (1990) *Moya zhizn'* [My life]. Vol. 2. Moscow: Kniga.
2. Brandenberger, D. (2002) *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Reese, R.R. (2000) *The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991*. London: Routledge.
4. Hellbeck, J. (2000) Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russian. *Kritika*. 1. pp. 71–96.
5. Hoffmann, D.L. (2011) *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
6. Bakulina, T.I. (2006) Razvitiye torgovli v Tyumeni v 1930–1936 gg. [The development of trade in Tyumen in 1930–1936]. In: Petrova, V.P. (ed.) *Zemlya Tyumenskaya. Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Land of Tyumen. The Yearbook of Tyumen Regional Museum]. Vol. 20. Tyumen: Tyumen State University.
7. Borodulina, E.V. (2016) [Tyumen in the 1930s]. *Sibirskiy gorod: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Siberian city: a historical retrospective and a modern vector of development]. Proc. of the Conference. Tyumen. (In Russian).
8. Kruzhinov, V.M. & Sokova, Z.N. (2004) Tyumen' v gody nepa: lyudi i sobytiya [Tyumen in the years of NEP: people and events]. In: *Zemlya Tyumenskaya. Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Land of Tyumen. The Yearbook of Tyumen Regional Museum]. Vol. 18. Tyumen: Tyumen State University.
9. Plokhonikov, V.S. (2012) Material'no-bytovye usloviya zhizni tyumentsev v 1930-e gody [Material and living conditions of Tyumen citizens in the 1930s]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Vol. XIV. Tyumen: Tyumen State University. pp. 112–120.
10. Sukharev, A.A. (2016) [Evolution of perception of the image of the enemy by the Tyumen residents during NEP (1921–1929)]. *Sibirskiy gorod: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Siberian city: a historical retrospective and a modern vector of development]. Proc. of the Conference. Tyumen. (In Russian).
11. Sukharev, A.A. (2014) Sovetskie massovye prazdniki v gody nepa (na materialakh Tyumeni) [Soviet mass holidays during NEP (a case study of Tyumen)]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Vol. XIV. Tyumen: Tyumen State University. pp. 161–169.
12. Arzhilovskiy, A.S. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. The State Archive of the Social and Political History of Tyumen Region (GASPI TO). Fund 4048. List 1. File 2.
13. Trofimova, V.F. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. The State Archive of Tyumen Region. Fund 1758. List 4. File 8.
14. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1927) 9th October.
15. *Izvestiya Tyumenskogo gubernskogo RKP(b)*. (1920) 28th August.
16. Shishkin, V.I. (2001) Tyumenskiy “zagovor korneta Lobanova” [The Tyumen “conspiracy of Cornet Lobanov”]. In: Zvyagin, S.P. (ed.) *Istoriya beloy Sibiri* [The History of White Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
17. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1938) 15th January.
18. Dalman, D. (2015) *Sibir'. S XVI v. – i do nastoyashchego vremeni* [Siberia. Since the 16th century – to the present]. Translated from German by V.A. Braun-Tsekhovskiy. Moscow: Rosspen.
19. *Krasnoe znamya (Tyumen)*. (1933) 10th November.
20. *Trudovoy nabat (Tyumen)*. (1923) 15th December.
21. Trotsky, L.D. (1990) *Stalin* [Stalin]. Vol. 2. Moscow: Terra.
22. Shkarenkov, L.K. (1986) *Agoniya beloy emigratsii* [The Agony of White Emigration]. Moscow: Mysl'.
23. Jide, A. (1990) *Vozvrashchenie iz SSSR* [Return from the USSR]. In: Jide, A. & Feuchtwanger, L. *Dva vzglyada iz-za rubezha* [Two Views from Abroad]. Moscow: Politizdat.
24. Baberovsky, J. (2007) *Krasnyy terror: Istoriya stalinizma* [Red Terror: The Stalinist History]. Translated from German. Moscow: Rosspen.